

Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО: О КОЛЛЕКТИВНОМ ТВОРЧЕСТВЕ СОЗДАТЕЛЕЙ НАЗВАНИЙ МЕСТ И МАСТЕРАХ — ИХ ХРАНИТЕЛЯХ (ИЗ ОПЫТА СОБИРАТЕЛЕЙ-ТОПОНИМИСТОВ)

Топонимы, или географические названия, являются своеобразными памятниками истории, языка и культуры народов, их создавших. Они — продукт народного творчества определенной исторической эпохи и в этом плане могут быть сопоставимы с произведениями устного народного творчества, архитектуры и т. д. Названия мест — весьма специфичные носители культурно-исторической информации, и проблема мастера и мастерства в области топонимии, возможно, не выглядит столь очевидной, но она существует по крайней мере в двух ее аспектах, на которые хотелось бы обратить внимание: авторское мастерство при акте номинации и мастера своего дела — знатоки местной топонимии.

Многие из географических названий возникли естественным путем достаточно давно. Речь не идет в данном случае об актах искусственной номинации, то есть топонимах, созданных государственными мужами (князьями, царскими особами и госчиновниками, особенно усердствовавшими в этой области деятельности в советское время)¹.

При анализе массы топонимов прежде всего бросается в глаза, если так можно выразиться, «коллективность» акта номинации.

Сотни и тысячи топонимов безымянны в смысле их авторства. Тем не менее они доносят до нас память о тех, кто их создал (но не имена создателей). В принципе у каждого топонима, по всей вероятности, был свой автор — тот, кто первым назвал озеро, реку, поселение, поле и т. д. Название принималось или отвергалось тем сообществом людей, для которых его использование предназначалось, и проходило необходимую «обкатку» в процессе его дальнейшего употребления. Другими словами, если не иметь в виду древнейший период истории, в целом

индивидуальное творчество укладывается в рамки коллективно созданной системы топонимов. Она как некая система координат направляет творческий акт номинации в определенное русло.

Почему названия деревень Вырозерского куста поселений Заонежья так дружно оформлялись концевкой -ская (*Алексеевская, Ганьковская, Маньковская, Софроновская и др.*), а в Фоймогубе столь же бесспорно господствует модель называния деревень на -ово (*Петрово, Маклаково, Рябово, Харлово и т. д.*)? Видимо, потому, что вновь созданный топоним подстраивается под систему существующих названий. При этом такая «настройка» происходит не только во внешнем оформлении топонима, но и в его содержании. Выбор признака, положенного в основу названия, обусловлен, с одной стороны, уровнем развития общества, с другой — личностью создателя. Стихийный учет свойств и признаков называемых объектов, апробация вековым народным опытом, по мнению известного топонимиста А. К. Матвеева, — главное отличие акта естественной номинации от акта искусственной. В основе последней — индивидуальное (или коллективное) имьятворчество, часто произвольное, немотивированное, то есть выбор географического названия происходит вне зависимости от естественных признаков реалии, с явной ориентацией на связь с социально-культурным фактором².

В подобных актах номинации индивидуальность (кто первым предложил то или иное название) растворяется в коллективном решении (документально оформленном), при этом зачастую новые названия, особенно шаблонные или необычные, экзотические, не вписываются в существующую топонимическую систему. При подобных актах номинации незнание или слабое знание местной топонимической системы ведет к дальнейшей ее перделке, расшатыванию³.

При естественном акте номинации в названиях запечатлевались прежде всего признаки географических объектов, которые были важны для живших в то время имядателей.

При этом нельзя не отметить их особый дар восприятия окружающего мира, наблюдательность, образность мышления. При всей кажущейся простоте акта имяназвания далеко не каждый способен придумать название места. И в то же время имядатели всегда были детьми своего времени.

Так, видимо, в период господства промысловой культуры создавались названия крупных озер и рек типа *Онежское озеро* и *Яндомозеро*

© Н. Н. Мамонтова, И. И. Муллонен, 2000

¹Ярким примером естественной и искусственной номинации могут служить названия Москва и Петрозаводск. В первом случае поселение было названо по реке Москве, на берегу которой оно было расположено и относительно названия которой существует множество гипотез, но ни одна из них не считается на сегодня общепризнанной. Петровская же слобода, возникшая при Петровских заводах на берегу р. Лососинки, как известно, по указу Екатерины II в 1777 году получила статус города с названием Петрозаводск.

²Ср. многочисленные мемориальные названия советской эпохи в честь выдающихся революционеров, политиков, деятелей культуры, науки и т. п., которые порой не имели никакого отношения к объекту называния.

³Матвеев А. К. Топонимика и современность // Вопросы ономастики. № 8—9. Свердловск, 1974. С. 11.

(‘большие’), *Керацкое озеро* (‘верхнее’), *Калозеро* (‘рыбное’), *Мегрозеро* (‘барсучье’), *Габнаволок* (‘осиновый мыс’), *Кузаранда* (‘еловый берег’), *Олений остров*, *Вороний остров*, *Мягкая сельга*, *Великая Губа* и т. д.

В дальнейшем, в связи со сменой хозяйственно-экономического уклада, эти признаки оказывались уже не столь важными, второстепенными, на смену им приходили другие. Например, озеро, называвшееся когда-то *Вырозером* (от прибалтийско-финского VII¹ ‘кривой, изогнутый’), становится со временем *Ганьковским* — по находившейся на берегу озера деревне *Ганьковской*: для местных жителей это оказывается более существенной отличительной чертой, чем форма озера (тем более что первоначальный смысл гидронима со временем мог быть утрачен).

Расположенное в окрестностях д. Вертилово (Сенногубская волость) озеро *Копанец* когда-то, судя по данным писцовых книг 1496—1563 гг. и других источников, называлось *Нюхчезером* (от саамского *ñuħč* ‘лебедь’). Когда же в конце прошлого века ручей, соединявший его с Онежским озером, был расширен и вычищен, очевидно, для лучшего стока воды, старое (к тому же непонятное) название озера постепенно заменяется новым — *Копанец*.

Иногда выбор названия детерминирован в значительной степени уже существующим, под который подстраивается вновь создаваемый.

В Заонежье, например, *Черные озера* зачастую соседствуют с *Белыми*, а *Долгие* — с *Круглыми*, *Большие* — с *Маленькими*. В таком случае один топоним как бы обуславливает появление другого. При этом создатель нового географического названия фиксирует в нем тот признак, который может и не быть характерным для называемого объекта. Иными словами, названное свойство присуще лишь одному из двух (или более) подобных объектов⁴, иначе исчезает адресность — принципиально важная для функционирования топонимической системы. Именно поэтому из двух расположенных рядом озер, богатых окунями, лишь одно может быть названо Окуновым, другое же должно быть идентифицировано по какому-то иному признаку (цвет воды, форма озера, расположение его внутри водной системы, нахождение на его берегу значимого для жителей объекта и т. д.). То есть содержание названия определяется во многом благодаря присущей ему функции быть ориентиром на местности.

Название призвано прежде всего отличать один объект от другого, ему подобного, индивидуализировать его. Об этом должен помнить тот, кто именует, выбирая одно из присущих ему свойств.

Называя географический объект, имядатель руководствуется, таким образом, целым рядом условий как собственно ономастического, так и лингвистического порядка. Творец имени выступает как некий

⁴Так, из двух озер, названных Черным и Белым, одно название действительно могло быть мотивированным реальностью, а другое — просто придумано (как антипод первому).

выразитель коллективной идеи, и в этом смысле авторство при номинации действительно коллективное, народное.

Это относится как к тем топонимам, при создании которых имядатель занимает как бы отстраненно нейтральную позицию (то есть фиксирует один из реально существующих признаков, свойств, явлений, связей), так и к тем, в которых находит отражение эмоциональное восприятие человеком определенных объектов называния. В результате такого субъективного подхода возникают образные метафорические топонимы. Однако заключенные в них образы, метафоры — опять-таки чаще всего не плод индивидуального творчества, а определенные универсалии.

Топоним *Железные ворота* — название места, где дорога проходит между двумя щелями (Толвуйский сельсовет, Загубье в Заонежье), часто встречается на территории Российского Севера и служит для обозначения трудных для прохождения участков пути.

Идея плодородности земли отражена в заонежских топонимах *Пирожный бор*, *Пирожное поле*.

Для наименования высоких мест в Заонежье используются метафорические топонимы *Шеломки*, *Шляпа*, *Шапочный бор*, а богатые рыбой тоны называются как *Золотые* и *Серебряные*.

Известное в Заонежье название родника *Три Ивана* при всей своей экзотичности на самом деле входит в ряд подобных в севернорусской топонимии. Активность числительного «три» при назывании мест обусловлена как его символикой, многократно отраженной в фольклоре, обрядах и других сферах народной культуры, так и тем, что «троичность» имеет большие различительные возможности. Факт наличия трех однородных объектов воспринимается как ориентационно значимый (в отличие от достаточно заурядной ситуации — «двоичности»)⁵. Сравни в Заонежье: поле *Три березы*, покос *Тримошье*, острова *Три острова*, поле *Три перемены* и т. д.

Иваны же в топониме равнозначны, очевидно, братьям — образ столь частый в севернорусской топонимии (ср. очень популярную модель *Три брата*). В Заонежье есть скала *Братья*, луда *Братаны*, состоящая из трех больших камней. *Иваны* (или братья), как и другие топонимы, в составе которых лексика родства, выражают признак совместного (близкого) расположения объектов одного рода⁶.

Чаще всего метафорические образные названия встречаются у достаточно обозримых объектов: скал, гор⁷, лугов, полей. Причем закономерное

⁵Березович Е. А. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург, 1998. С. 42.
Там же. С. 139.

⁷Ср. часто упоминаемые СМИ в военных сводках с Кавказа плато Ослинное Ухо, перевал Волчьих Ворот.

преобладание мифологических представлений на ранних этапах развития общества, что также находит отражение в топонимии.

Конечно, система образного видения мира у разных народов различная, обусловленная конкретными физико-географическими и социально-экономическими условиями их проживания, а также строем языка. Но объединяет их то, что это видение более присуще ранним ступеням общественного развития, когда большую роль в жизни играла мифология и мифологические представления распространялись на другие стороны бытия, в том числе и на топонимию⁸. Со временем прежняя топонимия подобного рода могла исчезнуть (при ее усвоении другими народами, при утрате языком древних лексем или прежних значений, при замене одних названий другими, более современными).

Тем не менее фантазии человека — творца, поэта и философа в душе — обязаны своим появлением такие образные и оценочные заонежские названия, как *Золотуха* — поле, *Хохолок* — остров, *Квашинага* — поле, *Сковорода* — луда, *Кобылы горбы* — возвышенность (Толвуя), *Лопата* — покос (Карасозеро, Толвуя), *Добрая губа* — залив, *Сторублевица* — луда (Космозеро), *Плешивая луда* (Кярзино), *Ситник* — остров (Кузаранда), *Плешатая щель* (Шуньга) и др.

Познание особенностей топонимической системы, в которой запечатлен опыт многих поколений, существенно при ее современном функционировании, в обновлении ее на научной основе.

Вот почему так важно, на наш взгляд, собрать все то, что было и есть названо, выявить своеобразие системы топонимов, с тем чтобы можно было оказать практическую помощь в дальнейшем при актах наречения тех или иных новых объектов и в переименовании старых. И следовательно, связать память поколений, перекинуть мостик от прошлого к настоящему и будущему. Иначе говоря, топонимы являются национальной ценностью, документом своей эпохи и тем самым помогают сохранить для нас и наших потомков историю нашего края и многочисленных безымянных их творцов.

И вот тут особенно важна роль наших информантов, тех людей, кто хорошо знает и помнит старые названия полей и покосов; рек, ручьев и озер; островов, полуостровов, заливов, проливов; болот и горушек; мест рыбной ловли, сбора грибов и ягод, купаний, гуляний; родников и колодцев; троп и дорог; риг, лесных избушек и т.д. вплоть до отдельных камней и деревьев.

Если исполнители разных фольклорных жанров не только восприняли древние традиции и донесли их до нас, но и привносили много своего, для исследователей топонимии прошлого, наоборот, основным достоинством

является наибольшая точность фиксации топонимов, без вариации или с вариантами, если они только есть. Ведь топонимия — это прежде всего адрес, а адрес должен быть точным. Наши информанты — люди особые, те, кто ближе к земле, много ходит по ней, много работает на ней: рыбаки, охотники, заядлые грибники и сборщики ягод, лесники, лесорубы, сплавщики, пастухи, бывшие колхозные бригадиры и председатели, одним словом, все те, кто хорошо ориентируется на местности.

Из более молодых немногие знают старые названия мест. Как правило, подлинным знатокам топонимии далеко за 70 лет. Дело в том, что Октябрьская революция и все, что было после нее, привели к катастрофическим изменениям прежней системы топонимов, коренным образом изменив весь уклад жизни селян. На смену многочисленным частным клочкам земли пришли более обширные колхозные, а затем совхозные поля, интенсивно осушались болота, вырубались леса, прокладывались дороги. Более того, детальное знание местности оказалось не нужным современным жителям. Исчезли или изменились географические реалии, вышли из активного употребления сотни и тысячи названий мелких географических объектов — микротопонимов. Ушли в мир иной и большинство из тех, кто их активно употреблял еще в 30—40-е и послевоенные годы нашего столетия. В поисках утраченного мы — охотники за топонимами — имеем дело при их сборе со множеством информантов, собирая по крупицам то, что хранит их память, опрашивая всех, кто старше 60 лет, в надежде записать хоть что-нибудь (в среднем от каждого информанта записываем от двух-трех десятков топонимов до полусотни и более, среди которых почти половина известна жителям не только этого поселения, но и других вокруг него). И такая радость, когда встречаешься с истинным знатоком местных названий, Мастером, который легко и обстоятельно ведет рассказ об основных занятиях и событиях в деревне (селе), о трудной жизни ее жителей, которые работали с утра до ночи на земле, ходили на покосы порой за 10—15 км, часами гребли, сидя на веслах. И на пути встречались разнообразные географические объекты, названия которых, как золотые россыпи, бережно хранятся в памяти наших информантов. Это удивительные названия: деревни Середка, Кибитка, Ямка; поля и покосы Гладки пожни, Долга(я) нива, Каменисто(е) нивише, Чища, Мокруша, Глинянки, Песочница, Медные ямы, Ключевичная, Колодечница; горушки Кривая, Средняя(я), Узка гора, Грязные сельги (которые позже, в колхозное время, стали называться Красные сельги), луды Сестренки и т.д. — до 200 и более микротопонимов, существовавших вокруг поселения и известных только его жителям, могут вспомнить настоящие знатоки местной топонимии.

Мастер сразу понимает, что надобно нам, собирателям топонимии, подробно рассказывая, что, где и как было названо, и пояснит охотно, почему именно так, по рассказам дедов и прадедов. Как правило,

⁸Матвеев А. К. Образное народное видение и проблемы ономастической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Вып. 12. Русская топонимия и географическая терминология. Свердловск, 1977. С. 14.

информанты-мастера очень любознательные люди, с детства интересующиеся всем, что их окружает, в том числе и названиями мест.

Включен магнитофон. Неспешно течет беседа, наносятся на карту названия. Мастер с помощью наших вопросов как бы погружается в прошлое, проходит тропами памяти, ориентируясь на местности, как у себя дома на подворье. И такая чувствуется искренняя любовь к родному краю и такая порой тоска по тому, что уже безвозвратно утрачено и порушено. Немного их осталось, настоящих знатоков топонимии прошлого. Хотелось бы перечислить всех поименно, кто оказал нам помощь в сборе топонимии Карелии, в том числе и Заонежья, представляющей собой своего рода энциклопедию народной жизни. Но назовем лишь некоторых: супруги Соколины из Шуныги: Александр Тимофеевич, 1890 г. р., и Прасковья Алексеевна, 1909 г. р., Александра Петровна Татаринова, 1906 г. р., из Фоймогубы, Ирина Ивановна Авдушева, 1897 г. р., из Великой Губы. Пусть данью уважения и знаком внимания к ним и ко всем остальным нашим информантам будет это сообщение.